

Литературный текст
в традиционном
бытовании (“Сказка
о царе Салтане”
в Новгородской
области)*

The Folklore Life
of a Literary Text:
Narration of *The Tale
of Tsar Saltan* in
Traditional Discourse

Анастасия Игоревна Рыко

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Anastasia I. Ryko

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье рассматривается пересказ “Сказки о царе Салтане” Пушкина, записанный в конце XX в. от крестьянки из Новгородской области. Текст анализируется в двух аспектах: структурном (соотношение прозаического пересказа, стихотворных цитат и комментариев информантки) и лингвистическом (соотношение диалектных и литературных вариантов грамматических форм). Поскольку ориентация на вымысел, характерная для исходного текста, сменяется установкой на реальность происходящих событий, особое внимание уделено описанию трансформаций текста при пересказе, адаптации чужих элементов к знакомым информантке реалиям окружающей действительности и замене их своими. Так, в пушкинский сюжет вклиниваются рассказы из жизни повествователя, родственников (знакомых), а незнакомые рассказчице реалии

* На аналогичную тему и на этом же материале в 1999 г. А. С. Архиповой, Ф. Р. Минлосом и А. И. Рыко был подготовлен доклад, прочитанный на круглом столе, посвященном проблемам “наивной” литературы. Ряд положений этого доклада использованы в настоящей статье.

заменяются привычными. Аналогичные преобразования происходят и на лексическом уровне. Пересказ приобретает черты традиционного фольклорного текста. Сюжет становится прямолинейным, упрощается: сохраняются лишь основные, “событийные” элементы, подробные описания опускаются. Детальный анализ некоторых элементов пересказа показывает, что по сравнению с исходным текстом меняется точка зрения повествователя: если в тексте “Сказки” ее можно охарактеризовать как внешнюю по отношению к повествованию, то в пересказе она становится внутренней. Кроме того, ряд отличий пересказа от исходного текста связан с тем, что он приобретает черты, характерные для устной речи. Особого внимания заслуживают две версии пересказа — “мужская” и “женская” (записанные, соответственно, собирателями мужчиной и женщиной). Версии пересказа различаются на сюжетном уровне: в “мужской” рассказывается об освобождении царевны Лебеди, в “женской” — о мести Гвидона теткам-обидчицам. Таким образом, разные фольклорные сюжеты, объединенные в пушкинском тексте, в пересказе снова разводятся, фигурируя в разных версиях.

Ключевые слова

пересказ, вторичный текст, наивная лингвистика, фольклорный текст

Abstract

The article focuses on the retelling of Pushkin’s *The Tale of Tsar Saltan* by an 80-year-old local woman, recorded at the end of the 20th century in the Novgorod region (northwest Russia). The text is analyzed both in terms of its structural aspect (the correspondence of prose narration, poetic quotations from Pushkin’s text, and the narrator’s comments) and in terms of its linguistic aspect (the correspondence of dialect and literary variants of grammatical forms). In comparison with Pushkin’s original, in the retelling the author’s perspective has been changed from the fantastic to reality; consequently, the text has been transformed by the adaptation of elements alien to the familiar reality or by their replacement with familiar, but different, elements. Thus, the narrator included in the retelling several stories from her own life and the lives of her relatives (acquaintances), interiorizing the plot and filling it with personal and familiar realities, including transformations on the lexical level. The retelling retains features of a traditional folklore text. The plot becomes simplified; only the basic “event-related” points are kept, and detailed descriptions are excluded. The viewpoint of the narrator has also been changed from the external in *The Tale of Tsar Saltan* to internal in the retelling. In addition, some structural characteristics of the retelling, in comparison to Pushkin’s original, are typical of oral speech. The narrator produced two versions of the retelling, the “male” and the “female” version, told, respectively, to linguists of different genders. The versions are different at the level of the plot: the “male” version describes the liberation of the Swan Princess, and in the “female” one, the narrator focuses on the revenge of Guidon that is directed toward his aunts. Thus, in the retelling, two folk plots, combined in Pushkin’s original, are separated again and exist as two versions of the same text.

Keywords

retelling, secondary text, naive linguistics, folk text

В течение последних десятилетий лингвисты, фольклористы и этнографы, работающие в поле с носителями диалекта и фольклорной традиции, не только записывают материал, но и пытаются понять, какие особенности свойственны “наивному” сознанию. В настоящей статье мы предлагаем некоторые наблюдения над механизмами восприятия литературного текста “наивным” сознанием и над трансформациями, происходящими с этим текстом при бытовании в рамках традиционной культуры.

1. Материал

Материалом данной статьи послужил пересказ литературного текста (“Сказки о царе Салтане о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди” А. С. Пушкина), записанный от малограмотной деревенской жительницы Дарьи Николаевны Андреевой (в девичестве Волковой) (1913–1998), уроженки д. Овинное Холмского района Новгородской области в феврале 1996 г. (запись сделана в д. Борисово того же района, в момент записи информантке было 83 года). 1-я версия пересказа была записана собирателем-мужчиной (“мужская”, или “героическая”, версия), 2-я (через несколько дней) — собирателем-женщиной (“женская” версия, или “рассказ о мести”), 3-я версия (краткая) была приведена как дополнительный пример в разговоре о колдовстве. Все три версии текста представляют собой прозаический пересказ “Сказки” с вкраплением стихотворных цитат разной степени точности. Все версии снабжены отступлениями, вставными рассказами, так или иначе связанными с сюжетом “Сказки”.

2. Лингвистические особенности

Есть ряд лингвистических черт, которые противопоставляют текст пересказа остальному массиву текстов, записанных от Д. Н. Андреевой¹.

“Чужие” (литературные) формы свойственны в основном стихотворным фрагментам пересказа. “Чужие” формы, как правило, характерны и для песен (которые, так же как и “Сказка”, воспроизводятся, а не порождаются) и отчасти могут быть объяснены необходимостью соблюдения стихотворного размера (о соотношении языка фольклора и диалекта см., например, [НИКИТИНА 1993] с дальнейшими ссылками). Однако литературные формы распространяются также и на прозаические фрагменты пересказа. Заметим, что соблюдение размера не является жестким правилом и для стихотворных цитат, он может быть нарушен

¹ Некоторые тексты, записанные от Д. Н. Андреевой, были опубликованы с лингвистическим комментарием [Минлос, Рыко 2005]. История жизни Д. Н. Андреевой с большим количеством цитат из ее рассказов излагается в статье [АБРАМЕНКО 2001].

(напр., “я на вѣсь кряшшóный мѣр анна́, натка́ла бы палатна́” (1)), и стихотворный фрагмент легко может быть преобразован в прозаический.

2.1. -Сь или -ся в возвратных глаголах (после гласной)

В речи Андреевой в этой позиции встречаются оба форманта, причем *-сь* несколько чаще. В песнях же (независимо от конкретного песенного жанра, т. е. одинаково для частушек и обрядовых текстов) употребляется преимущественно *-ся*. В пересказе “Сказки” тоже преобладает *-ся*: “рѣч паслѣнния чаму́, палюбѣлася яму́” (версия 1, 2); “и зачала́ся вайна́” (1); “и анá взмалѣлася ꙗ́спаду Бóгу” (1); “разбярúся я́ с табóй” (1); “ну э́тым-та двум даставáлася тóшна”, (2); “а ма́лыя са́мыя шшаслѣваи атказáлася, аказáлася” (2); *-сь* встретилось лишь дважды: “и аказáлася э́та царѣца, са свай́м рябѣнкам” (1); “я́ табѣ пригажúсь, гаварѣть”. Необходимостью сохранить стихотворный размер цитаты можно объяснить только один из приведенных примеров (*палюбѣлася*)².

2.2. Окончания *-ам* или *-ами* в instr. pl.

“Своей” в данном говоре является флексия *-ам*, в остальных текстах, записанных от Андреевой, *-ами* встречается только в песнях (напр., “Вáнюшка харóший, Вáнюшка пригóжий / рубáшка с цвятáми, жалѣтка с часáми / валасá с кудря́ми, сапóг са скрыпáми”). Любопытно, что в пересказе сказки формы на *-ми* употреблены не только в стихотворной строке (“са стагла́вами цыръквáми, сь тирямáми и с садáми” (2)), но и в прозаическом фрагменте: “но́жками на до́нышка встал” (1), где употребление этой формы не мотивируется соблюдением стихотворного размера.

2.3. Ударение

Несвойственные говору ударения встречаются только в стихотворных цитатах: “я́ для ба́тюшки царя́, ради́ла б ба́татыря́” (1), “я́ на вѣсь бы мѣр анна́ наткала́ бы палатна́” (2) (примеры из текстов, записанных от Андреевой, с обычными для этого говора ударениями: “э́та ту́т гдѣ жылá я́, ради́лась э́та та́м-та; э́та Да́ша сабѣ прида́ннаи ататка́ла; та́к и хажу́, и натка́ла прида́нава сибѣ”).

3. Общая структура текста: совпадение и расхождение версий

Очевидно, что кроме внутренних “пружин” изменения исходного текста необходимо учитывать и внешний фактор — приближенность или

² Более широкое распространение *-ся* в 2000-е годы по сравнению с 1940–50-ми (по материалам “Диалектологического атласа русского языка”), не совпадающее с литературным, а как бы, напротив, отдаляющее диалект от литературного языка, отмечалось в говорах ряда деревень Тверской области (материалы экспедиций СПбГУ 2007–2014 гг.).

удаленность того или иного фрагмента от начала текста. Если первые 14 строк “Сказки о царе Салтане” воспроизводятся Андреевой почти буквально (хотя и сопровождаются прозаическими связками и комментариями), то дальнейшее изложение является именно пересказом, в котором стихотворные цитаты встречаются лишь фрагментарно.

Из сопоставления двух основных (полных) версий текст пересказа можно разделить на две части: первая часть, которая заканчивается освобождением царицы и ребенка из бочки, совпадает в обеих версиях пересказа. То, что первая часть текста воспроизводится информанткой более устойчиво, видимо, объясняется тем, что она повторялась большее число раз. Таким образом, сюжет первой части оказывается не очень сильно связанным с сюжетом второй части (который выбирается по крайней мере из двух вариантов) и может рассматриваться как самостоятельный законченный текст.

Первая часть в обеих версиях имеет не только один и тот же сюжет, но и аналогичную структуру. Она состоит из трех пластов: собственно пересказа, стихотворных цитат и комментариев рассказчицы к сюжету. Стихотворные цитаты, как точные, так и искаженные, в первой части являются основной составляющей текста:

Три дьявѣцы пад акнѡм. . .
 Прѣли пѡзна вичаркѡм. . . (версия 1 = версия 2)
 Мѡлвит трѣтия сястрица:
 “А кáбы я бѣла царѣца,
 я для бáтюшки царѣ,
 радила б багáтырѣ”.
 Рѣч паслѣнния чаму
 палюбѣлася яму.
 Цáрь в ѣтыг дѡм захѡдить
 и такую рѣч завѡдить:
 “Вот ты бѣдиш ткачѣха,
 а ты бѣдиш паварѣха,
 а ты бѣдь маей жанѡй,
 ка исхѡду синтябрѣ, принясѣ мнѣ багáтырѣ” (версия 1)

А патѡм мѡлвить трѣтия сястрица:
 “А кáбы я бѣла царѣца,
 я б для бáтюшки б царѣ
 радила б багáтырѣ”. . .
 Рѣчь паслѣнния чаму
 палюбѣлася яму, агá.
 От тагáда ѡн к ей падхѡдить,

и такую реч заводитъ:
 “Ты будь маей жаной,
 ка исходу синтября
 приняси мне багатыря” (версия 2)

Сына, ей дал Бóг в аршын,
 рóстам этат сын в аршын. . .
 и в суму яму пустую,
 сують грамату другую:
 “Радила царевна в нóч,
 ни то сына, ни то дóч,
 ни мышóнка, ни лягúшку,
 нинавидиму звярюшку” (версия 1)

Шлють яму тудá ганца:
 “Радила царевна в нóч
 ни то сына, ни то дóч,
 ни мышóнка, ни лягúшку,
 нинавидиму звярюшку”. . .
 В суму ганцу этаму у суму пустую
 и сують грамату такую. . .
 “Сына дал вам Бóг в аршын” (версия 2) и т. д.

Почти все комментарии рассказчицы (а также их место в тексте) совпадают в обеих версиях, т. е. они являются жестким элементом текста:

И каким судьбам судá вашóл царь (версия 1)

Вóт, я. . . забыла, шtó аткúдава царь-та этат взýлся (версия 2)

А в книгах, сынóк, всё написана бýль, эта бýла, нас ишшó на свéти нé была (версия 1)

Эта давнéшная, эта в книжки, é-е-е, а написана всё бýль, шó эта всё бýла (версия 2)

И зачáлася вайна, дéдушка мóй шéсь лéт служýл, а на писталéтах хтó бýл написан? Будéнный, Будéнный бýл палкавóдцым, вóт спóмнила, Будéнный, у дéдушки мавó бýла трé мядáли, и двá этых писталéта (версия 1)

Вóт у миня бýл дéдушка, маéва тятиньки тятинька, óн. . . шéсь лéт служýл в Будéннава, вóт кáк óн писáлся “стрялóк Будéннава”, у явó бýла принéсин трé мядáли, и двá писталéта (версия 2)

Вторая часть не совпадает в двух версиях пересказа уже на сюжетном уровне: в 1-й (“мужской”) версии в качестве центрального выступает сюжет об избавлении царевны Лебеди, во 2-й (“женской”) — сюжет о

мести царя Гвидона своим обидчицам. В обеих версиях текст второй части в основном прозаический, с минимальным количеством стихотворных цитат и без комментариев.

4. Трансформации литературного текста в пересказе

Изменения, которые претерпевает пушкинский текст “Сказки о царе Салтане” в пересказе Андреевой, на наш взгляд, определяются двумя основными причинами: 1) ориентация текста на вымысел сменяется установкой на реальность описываемых событий, и, как следствие, происходит адаптация “чужих” элементов или замена их “своими”); 2) письменный текст становится устным, что влечет за собой и изменения в структуре текста.

4.1. Сказка => быль

4.1.1. В отличие от исходного текста сказки пересказ — повествование о происшествиях, имевших место в реальности, что декларируется самой рассказчицей: “Эта ня скáзка, а бýль, дáвнишная бýль, ó-о я тýт, ó-о-о, дáвнишная бýль, э́та кнй́га напýчáтана, ну давнó, мнóга гадóу прашлó, мнóга”. Сама ситуация ознакомления информантки с текстом способствовала возникновению такой установки: “Сказка о царе Салтане” была не услышана (как это бывает с традиционными фольклорными жанрами), а прочитана в книге³. Информантка твердо убеждена, что в книгах пишут правду, и неоднократно это подчеркивает: “э́та давнéшная, э́та в кнй́жки, а напýсана всé бýль, што э́та всé бýла” (версия 2); “а в кнй́гах, сынóк, всé напýсана бýль, э́та бýла. Но нас ишшó на свéти нé была” (версия 1). Более того, она сообщает, что книга получена из авторитетного источника — от начальника лагеря: “а тáм мнé начáльник и дáл кнй́гу, я кнй́гу чит. . . а я-та и ня грá. . . я ни. . . бýквы знáю” (версия 2); “Тý читáл такýю кнй́гу, ай нé? А я вóт кадá хадýла па Жаркáм-Баркáм, мнé начáльник лáгири дáл такýю кнй́гу” (версия 1).

Это сообщение повторяется в каждой из версий, т. е. является устойчивым элементом пересказа, важным для информантки. Таким образом, уже ситуация ознакомления информантки с данным текстом способствовала тому, чтобы она относилась к событиям, о которых рассказывает, как к реальным.

4.1.2. Кроме того, сюжет о царе Салтане тесно переплетается с рядом сюжетов из рассказов информантки о реальных событиях в ее жизни.

³ Слова “раскáзывали, старй́ннии лýди бýла гаманй́ли, тапéрь-та нéт ничóва, а рáньшы всé гаварй́ли. . . а вóт такýю скáзку гаварй́ли” в 1-й версии, видимо, спровоцированы повторяющейся просьбой собирателя “рассказать про старое, про то, что говорили старые люди”.

Одним из таких мотивов, представленных и в сказке, и в рассказах о жизни, является мотив разлучения влюбленных и мести. Самый частый сюжет в рассказах Д. Андреевой о жизни — это история некоторой пары (большая часть рассказов автобиографична), счастливому соединению которой помешало чье-то злое вмешательство (обычно не без колдовства). Очевидно, что наличие этого мотива в “Сказке о царе Салтане” является одной из причин внимания рассказчицы к этому сюжету. В пересказе близость событий текста и реальных историй подчеркивается:

вот сестры сястрам што жалали, а эта, доч, и в этой дярэвни была, кагда я сюда пришла (версия 2); как, вот этих три дявйцы, вот аны, вот аны што сделали малай сястрицы, а аны, бьётся ва станка ткачйха, бьётся паварйха, а малая сястра ходить гаспажой, аны и пазавидывали (версия 3).

Таким образом, пересказ “Сказки о царе Салтане” выглядит авторитетным (заимствованным из книг, в правдивости которых информантка не сомневается) примером, подтверждающим истинность жизненных историй.

4.1.3. Некоторые комментарии информантки, которые даются к событиям сказки по ходу ее пересказа, хорошо соотносятся с такими обычными рефренами рассказов о жизни, как высказывания по поводу насыщенности событиями, полноты жизни и веселья прежних времен, чего нет ныне, с одной стороны, и упоминания о тяжестях и невзгодах прожитой жизни — с другой. Например, в рассказах о жизни Андреевой⁴:

Тапёрь нёт нигдэ ничова взабальшнава — всё такоя, кой-какоя;

Празник, празник, и вясельи были, а ярманки-та какйи были, Божы мой. . . а народушка-та сколько было;

А буала свадьбы-та какйи, доч, а песни-та как паём, о-о-о. А тапёрь. . . ю, ничаво нигдэ ни асталася;

Вот так, вот так, доч, песни все пели, а тапёрь и. . . нёт ничова ниудэ никаких;

Баба и па тюрьмам хадйла — забыла год, ай два вроди, забыла. И послй вайны — гдэ такйе Жаркй-Баркй-Валнушки — целый год баба бродила, а было дадин два, адйн скйныла облысть, а адйн бродила;

А дарогу тудá стробыли в Зайцы, и мне пришлось и канавы капать, и бичанйк, и пясок вазйть, и пясок разрывать, дрытвины равнять, всё там пришлось дэ-лать, гóспади памйлай.

⁴ В статье [Абраменко 2001] анализируется оппозиция “прошлое — настоящее” на материале рассказов о жизни Д. Н. Андреевой. Эта оппозиция, характерная для традиционной культуры вообще, в рассказах информантки проявляется в разных аспектах (к противопоставлению прошлой жизни и нынешней добавляется противопоставление географическое — родная деревня и деревня, в которую она вышла замуж; идея перемены жизни в связи со сменой фамилии и т. д.), в результате чего “рисуеться картина полного исчезновения прежнего деревенского мира”, “история. . . предстает как переход от полноты к опустошенности, от жизни к смерти” [Абраменко 2001: 17].

В пересказе “Сказки о царе Салтане” с мотивом “раньше настоящая жизнь была” можно соотнести высказывание “Вот тут какйи дялá бѣли. Бальшѣи. Бальшѣи бѣли дялá, γóспади памѣлуй” (версия 2); с мотивом “раньше тяжелая жизнь была” — замечание “Ну э́тым-та двѣм даста-вáлася тóшна, мнóх, а мáлая сáмая, шшаслѣвая атказáлася, аказáлася, о-о-ой, Бóжы мой” (версия 1).

4.2. Чужое => свое

В связи с ориентацией пересказа на “давнишнюю быль” исходный текст сказки преобразуется, приближаясь к реальности, знакомой рассказчику. Это “прояснение” текста происходит на различных уровнях.

4.2.1. Уровень реалий: замена непривычных реалий привычными

Малознакомые, непривычные для рассказчицы реалии трансформируются в более близкие разными способами в зависимости от степени необходимости их присутствия в тексте.

4.2.1.1. Волна

Пушкинское обращение ребенка к волне, продиктованное романтическим каноном (“А дитя волну торопит: / Ты волна моя, волна!”), устраняется, заменяясь на привычное обращение царицы к Богу (“а ана прѣсвить γóспаду Бóгу: «γóспади, ни губѣи ты нáшу дѣшу. . .»” (1); “И ана взмáлѣлась γóспаду Бóгу: «Ни губѣи, гаврѣть, ты нáшу дѣшу. . .»” (2)), что может быть связано с отсутствием мифологемы “волна” в славянской народной культуре⁵. Чуждо информантке и понятие “море” в целом: если у Пушкина море (и остров на море) фигурирует на протяжении всего текста, то у Андреевой упоминается лишь в данном эпизоде. Впоследствии о море забывается: Гвидон видит царевну Лебедь на речке (версия 1), пересечение моря при отправлении Гвидона к теткам опускается. Отметим также, что если у Пушкина слова обращения принадлежат ребенку, то у Андреевой их произносит царица, что логически более правдоподобно.

В тех случаях, когда незнакомая реалья не может быть легко удалена из текста, она подвергается отдельному осмыслению рассказчицей, что способствует “приспособлению” этой реалии к привычной для Андреевой картине мира.

4.2.1.2. Царь и война

С самого начала в рассказе появляется фигура царя, которая сразу вызывает сомнения у информантки. Появление в повествовании царя в обеих версиях выделяется рассказчицей особым комментарием: “э́та

⁵ Отметим, что в этнолингвистическом словаре [Славянские древности 1995] статья *Волна* отсутствует.

кни́га напеча́тана, ну давно́. . . я забы́ла, што атку́дава ца́рь-та э́тыт взя́лся, и пришо́л. Ца́рь э́тыт” (2); “э́та давне́шняя, э́та в кни́жки, а на-пи́сана все́ бы́ль, што э́та все́ бы́ла. А атку́дава бы́ли ца́ри?” (1). Война, на которую отправляется царь в “Сказке о царе Салтане”, ассоциируется у рассказчицы с определенным историческим событием: “Буде́нный был нача́льник, и пришла́ вайна́, ка́к о́т ярма́нец на на́с пришёл. . .” (2). Скорее всего, имеется в виду именно Первая мировая война, поскольку эти события Андреева не помнит непосредственно, т. е. они вполне могут выступать в роли “давнишней были”. Во второй версии рассказ о дедушке информантки, служившем под началом Буденного, прерывает пересказ сказки, причем вставляется он с некоторым опережением событий — не после сообщения об отправлении Салтана на войну, а до того. При возвращении к пересказу сказки образ Буденного становится уже частью ее сюжета: “и во́т на э́тыва ца́ря, о́т, Буде́нный был нача́льник” (2). В 1-й версии сюжет о дедушке и о Буденном оформляется не как развернутый вставной рассказ⁶, но эти персонажи упоминаются скорее как второстепенные герои самой сказки:

и зача́лася вайна́, де́душка мо́й, ше́сь ле́т служы́л, а на пистале́тах хто́ бы́л напи́сан? Буде́нный, Буде́нный бы́л палкаво́дцы́м, во́т спо́мнила, Буде́нный, у де́душки маво́ бы́ла три́ мяда́ли, и два́ э́тых пистале́та, та́к, о́ го́спади, во́т та́кий во́т дяла́, ну о́т, и во́т, атсе́дава пасыла́ють ганца́ (1).

В этой версии царь семантически сближается с фигурой военачальника, в результате чего оказывается возможной подстановка “Салтан — Буде́нный”: “прика́зывать э́такий Буде́нный ца́рь-гасуда́рь атту́дава” (1), что свидетельствует о полной ассимиляции этих персонажей.

4.2.2. Уровень лексики

П.: “не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку”

Д.: “ни мышо́нка, ни лягу́шку, нинави́диму звярю́шку” (в обеих версиях).

Определенно, в данном случае мы имеем дело с попыткой семантизации непонятого фрагмента текста (Андреевой незнакомо слово *неведомый*). Любопытно, что здесь не происходит замены “непонятого” на определенно “понятное” (т. е. на слово, присутствующее в словаре информантки). Неидентифицируемая последовательность здесь заменяется на “условно понятную” единицу, т. е. на несуществующее слово, но в отличие от

⁶ Вообще 2-я версия является более подробной по сравнению с 1-й. Такое же развертывание, что и тема Буденного (упоминание в 1-й версии — вставной рассказ во 2-й), претерпевает и тема неграмотности рассказчицы: от упоминания в 1-й версии (“а я-та нягра́матная, а та́кую кни́гу я до́лга чита́ла”) до самостоятельного сюжета о том, как Андреева тайком от родителей пошла учиться в школу, а отец ее оттуда забрал.

исходного обладающее потенциальным смыслом (по-видимому, от глагола *ненавидеть*)⁷. Таким образом, незнакомое Андреевой слово *неведомый* подвергается не полной семантизации, а частичной (потенциальной), что возможно, на наш взгляд, потому, что слово употребляется в контексте “чужого” текста (воспроизводимого, а не порождаемого). То есть при замене *неведомый* на *ненавидимый* происходит лишь приближение “чужого” к “своему”, а не полная его адаптация.

4.3. Литературное => фольклорное

Ряд преобразований “Сказки о царе Салтане” связан с иной формой бытования текста: известно, что информантка неоднократно исполняла прочитанный текст на деревенских посиделках.

4.3.1. Уровень сюжета (упрощение)

Пушкинский сюжет заметно упрощается, остается лишь часть его: выбор невесты Салтаном, проявление несправедливости по отношению к царице и ее сыну (заточение в бочку) и восстановление справедливости (чудесное спасение) — для первой части обеих версий, месть Гвидона — для второй части 1-й версии, спасение царевны Лебеди — для второй части 2-й версии. При этом происходят следующие изменения.

4.3.1.1. Пропуск эпизодов

В пересказе Андреевой от исходного текста сохраняются лишь основные, “событийные” элементы, подробные описания даже в первой части текста, как правило, опускаются. Так, пропущены такие эпизоды, как свадьба Салтана и младшей сестры, заточение царицы и младенца в бочку, описание путешествия по морю и т. д.

4.3.1.2. Упрощение эпизодов

В обеих версиях упрощается эпизод с подложными письмами. Если у Пушкина подменяются два письма (одно Салтану: вместо сообщения о том, что “сына Бог им дал в аршин” адресат получает “родила царица в ночь не то сына, не то дочь”; второе от Салтана: вместо “ждать царёва возвращенья для законного решенья” — “времени не тратя даром, и царицу, и приплод тайно бросить в бездну вод”, то в тексте Андреевой только первое. В результате такого упрощения поведение Салтана лишается психологической мотивировки, которая оказывается просто ненужной для развития сюжета по линии “несправедливость — восстановление справедливости”.

⁷ Известны случаи, когда аналогичному преобразованию подлежат а) имена собственные, б) фрагменты сакрального текста. Примеры: а) слово *тропиканка* (из названия сериала “Секрет тропиканки”) в разных деревнях северо-запада России зафиксировано в виде *протыкánка* (по-видимому, от *протыкать*) или *пропекáнка* (по-видимому, от *пропекать*); б) слова пасхального тропаря в этом же регионе *живот даровав* могут заменяться, например, на *и вондарвон*.

Таким образом, исходный сюжет становится более прямолинейным, лишается ненужных (с точки зрения развития этого сюжета) подробностей, все элементы текста подчиняются единому развитию действия, что противопоставляет текст пересказа его литературному прообразу, приближая к “натуральному” фольклорному тексту.

4.3.2. Закономерности построения текста. Точка зрения повествователя

4.3.2.1. Эпизод выбора невесты Салтаном

П.: “Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком. Кабы я была царица, / [. . .] / Только вымолвить успела, / Дверь тихонько заскрыпела, / И в светлицу входит царь, / Стороны той государь. / Во все время разговора / Он стоял позадь забора. . .”

Д.: “Три дявйцы пад акном, пряли позна вичарком, да, а вот тут пазабыла, и как, сюда папал царь. . .”

Три дявйцы пад акном, пряли позна вичарком, и каким судьбам судя вашол царь, а пряли там три дявйцы, три ронныи сястрицы, а возли. . . этыва разговора, царь стаял возли забора, как эти дявйцы. Гаварить старшыя дявйца: “Кабы я была царйца, я для батюшки царя, радилá б багатыря”, реч пасленния чаму, палюбилася яму, царь в этыт дом заходить, и такую реч заводить. . . (1)

Я. . . забыла, што аткудава царь-та этат взялся при. . . и пришол. . . царь этат, и он увидал этых три дявйцы пад акном. . . пряли позна вичарком. . . так. . . а он-та к акошку и падашол, а да этыва у забора пастаял. . . та-а-ак. . . вот, видить што этых три дявйцы три сястрицы, три сястрицы. . . он. . . у дом зашол, к яму нямножка, пагаварил с им, спросил, а патом-та вот, он стайть и слышыть. Молвить старшыя сястрица. . . (2)

В пушкинском тексте повествование ведется с точки зрения рассказчика, находящегося в той же точке пространства, что и три девицы. При этом (как выясняется с появлением Салтана) рассказчику известно, что происходит в то же самое время в другой точке пространства (сообщение о том, что царь стоял около забора). Чтобы мотивировать речь Салтана, автору приходится объяснить читателю, откуда Салтану известно содержание разговора девиц, т. е. вернуть повествование к предшествующему моменту времени. Пересказу Андреевой, как и фольклорным сказкам, свойственно линейное развертывание повествования, в отличие от пушкинского текста, где описываются события, происходящие в одно и то же время в разных точках пространства, где возможно “перескакивание” в пространстве и времени; см. об этом, например: [Рыжих 2010: 110].

В пересказе Андреевой месторасположение царя во время разговора девиц четко не определено: в обеих версиях сначала сообщается, что он

входит, потом оказывается, что он стоит возле забора (или подходит к окошку). Это метание, сопровождаемое к тому же репликами сомнения (“а вот тутá пѣзабыла, и как, сюда папáл царь” (1)) и паузами, объясняется, видимо, тем, что в процессе рассказывания возникает противоречие между законами фольклорного повествования, требующими, чтобы оно велось в один отрезок времени в одной точке пространства и развивалось во времени прямолинейно, и структурой исходного текста, построенного по другим, литературным законам. Пользуясь терминологией Б. А. Успенского, в исходном тексте “Сказки” авторская точка зрения является внешней по отношению к повествованию (“автор как бы смотрит со стороны на описываемые события (причем, естественно, он знает при этом то, чего не дано знать описываемым действующим лицам”), а в пересказе Андреевой точка зрения автора — внутренняя по отношению к повествованию (“автор как бы смотрит изнутри описываемой жизни (принимая при этом присущие персонажу ограничения в знании того, что будет дальше)”) [Успенский 1995: 92–93]. Таким образом, в пересказе (в обеих версиях) обозначается непосредственное присутствие Салтана при разговоре девиц (т. е. соблюдается как единство места, так и хронологическая последовательность, свойственные фольклорному тексту), а упоминание о его стоянии у забора выглядит как лишняя деталь, присутствующая как дань исходному, литературному тексту.

У Пушкина сообщение о том, что девицы под окном приходятся друг другу сестрами, появляется при реплике второй сестры (“говорит ее сестрица”). В пересказе это сообщается сразу, при введении персонажей: “три дявѣцы, три сястрицы” (2), “три дявѣцы, три рѳнныи сястрицы” (1). Если в пушкинском тексте читатель постепенно знакомится с ситуацией, вводится в курс событий (автор не выдает сразу всей информации о героях, интригуя читателя), то в пересказе при первом появлении “трех девиц” сообщается вся необходимая информация, важная для дальнейшего развития сюжета.

В пушкинском тексте при описании разговора сестриц используются сперва формы настоящего исторического, потом прошедшего времени, что демонстрирует сперва статическое (синхронное) описание ситуации, потом — переход к динамическому повествованию⁸. Таким образом, сообщение младшей сестрицы не только противопоставляет ее двум старшим, но дает толчок для дальнейшего развития сюжета: “Говорит одна девица [. . .] Говорит ее сестрица [. . .] Третья молвила сестрица”. В пересказе Андреевой вся ситуация описывается статично (только при помощи

⁸ См. о формах времени глагола у Б. А. Успенского: “настоящее время знаменует собой фиксацию точки зрения, с которой производится описание”; “глаголы в прошедшем времени отмечают переходы к каждому новому описанию с синхронной позиции” [Успенский 1995: 97].

форм настоящего исторического), речь третьей сестры в 1-й версии выделяется лексически (говорит — молвит), во 2-й не выделяется вовсе: “Гаварить старшыя дявица [. . .] Гаварить сренняя царица [. . .] Молвить третия сястрица” (1); “Молвить старшыя сястрица [. . .] втарая молвить сястрица [. . .] Молвить третия сястрица” (2).

4.3.2.2. Царевна Лебедь

П.: “Смотрит — видит дело лихо; / Бьется лебедь среди зыбей, / Коршун носится над ней . . .”

Д.: “А на речки и видить этакый сынóк, штò плаваить лебидь. Белый. И этакыва белава лебидя. . . á-а-ай. Лятаить коршун и клюётъ. Пажалёл. Он и сдёлал стрялú. И вдáрил этакыва коршуна. Коршун свалýлся в воду, в реку. А лебидь молвить яму руским языком: разбярúся я с табóй патóm. Я табé пригажúсь, гаварить. Вот. А анá, эта лебидь и гаварить гаспажú: «Тý, гаврить, ня лебидя избáвил, а девóцу в живýх аста́вил» (1).

У Пушкина слово *лебедь* женского рода с самого первого момента появления персонажа, у Андреевой оно сперва мужского рода, потом женского. Это несовпадение тоже можно отнести к противопоставлению “внешней” и “внутренней” точек зрения автора по отношению к повествованию: если у Пушкина слово *лебедь* сразу используется как слово жен. рода (не только как дань народно-поэтической традиции, но и, возможно, потому, что “всезнающему” автору сразу известно, что на самом деле это не лебедь, а заколдованная царевна), то Андреева следует логике языка и использует слово *лебедь* как слово муж. рода (т. е. в том виде, в каком это слово присутствует в ее лексиконе), пока по сюжету не выясняется, что этот персонаж женского пола — тогда всплывает непривычная форма женского рода и информантка возвращается к цитированию исходного текста.

4.3.3. Традиционная иерархия

П.: “Говорит одна девица; Говорит её сестрица; Третья молвила сестрица”.

Д.: “Гаварить старшыя дявица; гаварить сренняя царица” (1);

Молвить старшыя сястрица; а малыя самыя шшасливаи отказáлася, аказáлася; упýлся этай старшый тётки; а дальшы забыла, с серенний штó сдёлал (2);

Вót этых трёх дявицы, вót анý, вót анý штó сдёлали малай сястрицы; а малыя сястра ходить гаспажóй (3).

У Пушкина нигде не упоминается, какая из сестер была старшей, какая средней, какая младшей. Словосочетание *третья сестрица* в первую очередь указывает на порядок реплик в разговоре. Для Андреевой же *третья сестрица* определенно означает ‘третья по возрасту’ (т. е. самая младшая из трех), по аналогии и другие сестры становятся “старшей” и

“средней” в порядке следования их реплик. Таким образом, в пересказе появляется традиционная триада “старший — средний — младший” (причем “младшая сестра” отличается от остальных и является героиней), которая в явном виде отсутствует в пушкинском тексте.

4.4. Письменный текст => устный текст

4.4.1. Замена союза

П.: “Кабы я была царица, — / Говорит одна девица, — / То на весь крещеный мир. . .”; “Кабы я была царица, — / Говорит ее сестрица, — / То на весь бы мир одна. . .”; “Кабы я была царица, — / Третья молвила сестрица, — / Я б для батюшки-царя. . .”

Д.: Гаварить старшыя дзяўіца, кабы я была царіца, я на весь кряшшóный мiр анна наткала бы палатна; Гаварить срéнняя царіца, кабы я была дзяўіца, я на весь кряшшóный мiр пригатóвила б пiр; Мóлвить трéтия сятрiца, кабы я была царіца, я для батюшки б царя радила б бауатыря (1);

Мóлвить старшыя сятрiца, кабы я была царіца, я на весь бы мiр анна наткала бы палатна; Втарая мóлвить сятрiца, а кабы я была царіца, я на весь кряшшóный мiр, пригатóвила б я пiр; Мóлвить трéтия сятрiца, а кабы я была царіца, я для батюшки б царя радила б бауатыря (2).

Трансформация исходного текста состоит в замене литературных элементов, не свойственных речи рассказчицы: опускается вторая часть составного союза *кабы. . . то*.

4.4.2. Перестановки

4.4.2.1. Во фрагменте, приведенном в п. 4.4.1, кроме замены союза, устраняется инверсия при передаче прямой речи (у Пушкина сперва прямая речь, потом слова автора), не характерная для устной речи.

4.4.2.2. Перестановка реплик

П.: “Кабы я была царица, — / говорит одна девица, — / То на весь крещеный мир / Приготовила б я пир”. / “Кабы я была царица, — / Говорит ее сестрица, — / То на весь бы мир одна / Наткала я полотно”. “Будь одна из вас ткачиха, // А другая повариха”.

Д.: Гаварить старшыя дзяўіца. . . “я на весь кряшшóный мiр, анна, наткала бы палатна. . .” / гаварить срéнняя царіца. . . / “я на весь кряшшóный мiр пригатóвила б я пiр” (1); Мóлвить старшыя сястрiца. . . “я на весь бы мiр анна наткала бы палатна. . .” втарая мóлвить сястрiца. . . “я на весь кряшшóный мiр, пригатóвила б я пiр” (2); “От ты будиш ткачiха, а ты будиш паварiха” (1); “Ты будь ткачiха, ты будь паварiха” (2).

В пересказе Андреевой реплики “ткачихи” и “поварихи” меняются местами (у Пушкина первая сестра обещает приготовить пир, вторая — наткать полотно, у Андреевой — наоборот). Новая последовательность

реплик повторяет последовательность, заданную в реплике царя (“ткачиха — повариха”). Эта особенность косвенно связана с устной формой существования текста, а именно с необходимостью держать его в памяти, так как запомнить порядок слов легче, чем порядок следования однотипных реплик, тем более что последовательность “ткачиха — повариха” повторяется в тексте Пушкина неоднократно⁹.

4.4.3. Вставки

В тексте пересказа появляются “лишние” элементы, характерные для устной речи, которые употребляются с различными целями:

4.4.3.1. констатация забывчивости, объясняющей сюжетные “провалы”: “Скóлька анí плы́ли, вот, я ня зна́ю, я там не́ была, доч” (2); “Вот, ня зна́ю, штó бы́ла, а патóм от óн” (2); “И какíм судьба́м тудá вашéл царь” (1);

4.4.3.2. обращения к собеседнику (*видишь, виишь*), которые маркируют необычное, важное с точки зрения рассказчицы: “Ты будь маéй жанóй, ка исходу синтября́ приняси́ мне бауатыря́. Виишь. . .”(2); “Я на весь кряшшо́ный ми́р пригато́вила б я́ пёр, ви́дишь?” (1); “Радила́ царевна́ в но́ч ни то сы́на, ни то до́ч, ви́дишь?” (2);

4.4.3.3. комментарии, проясняющие непонятные с точки зрения рассказчицы фрагменты: “шмéль, зна́иш, така́я буква́шка” (2).

5. Версии пересказа: “мужская” и “женская”

Пересказ “Сказки” Андреевой интересен еще и тем, что мы имеем две его версии, не полностью совпадающие друг с другом. В 1-й версии по сравнению со 2-й несколько больше сбоев, путаницы, например:

Гаварить срэнняя царьца, кабы я была дьявица; Две малых сестры пирынять ганца вялять (вместо “старших сестры”); И вот атседава пасылають ганца и сують яму грамоту такую; “Радила царевна в но́ч”. . . ни то. Нет. “Радила царевна сына ей дал Бох в аршин”.

Это объясняется, видимо, тем, что “мужская” версия была рассказана первой хронологически — Андреева вспоминала текст на ходу. Вторая версия, записанная через несколько дней, более гладкая, поскольку рассказчица повторяла текст, который недавно уже вспоминался.

Но расхождения между версиями не ограничиваются этим, причем часто они определяются полом собеседника. Внешним признаком “мужской” и “женской” версий являются различные обращения к собеседнику (*сынóк, дочь* соответственно).

⁹ Однако у Пушкина на событийном уровне “первенство” у поварихи (а не ткачихи) сохраняется и в других эпизодах: повариха рассказывает о первом чуде (о белке) и первая страдает от Гвидона-комара.

Как было сказано выше, вторые части каждой из версий различаются своими сюжетами: если в 1-й версии рассказывается об освобождении царевны Лебеди (версия “героическая”), то во второй — о мести Гвидона своим теткам-обидчицам. “Героическая” версия рассказана юноше, версия об оклеветанной сестре и мести — девушке.

Как принято считать, в “Сказке” совмещены два не связанных друг с другом сказочных мотива: об “оклеветанной жене” (“чудесных детях”) и о “вещей деве” (она же Царевна Лебедь), которые хорошо представлены в западноевропейском фольклоре, см., например: [Азадовский 1936: 150–156; Медриш 1992: 48]. В пересказе Андреевой различные сюжеты, которые объединены Пушкиным в один текст, снова разводятся, фигурируя в разных версиях. Связи между сюжетами, которые вводит Пушкин, в пересказе Андреевой снова разрушаются: если у Пушкина превращение Гвидона в комара (муху, шмеля) — результат колдовства Царевны Лебеди, то у Андреевой — его самостоятельное действие.

5.1. Последовательность реплик в “мужской” и “женской” версиях

“Мужская”: Царь в ётыт дóm захóдить и такую рёч завóдить. “От ты́ бۇдиш ткачйха, а ты́ бۇдиш паварйха, а ты́ будь маей жаной”.

“Женская”: От тагда́ от к ей падхóдить и такую рёч завóдить. “Ты будь маей жаной, ка исходу́ синтябрья́ приняси́ мне бауатыря́. Вийшь, эй, а вы́ ступайти, ты́ будь ткачйха, ты́ будь паварйха”.

Если в “мужской” версии порядок “назначений” Салтана соответствует порядку реплик сестер (ткачиха — повариха — жена), то в “женской” на первое место выносятся “назначение” третьей сестры, т. е. важной в этой версии становится тема удачного замужества и материнства, что подчеркивается и далее: “а малы́я самы́я щасли́вая атказáлася, аказáлася”. Если в “мужской” версии речь царя адресована всем сестрам (“в ётыт дóm захóдить и такую рёч завóдить”) и Салтан обращается к сестрам в порядке их реплик, то в “женской” речь Салтана сразу обращена к третьей сестре (“к ей патхóдить и такую рёч завóдить”).

5.2. Мотив мести в “женской” версии

В “женской” версии основным мотивом становится мотив мести, наказание за клевету становится ее финалом, превращая все повествование в назидательную историю о справедливом возмездии. Назидательность и “жизненность” этого сюжета подтверждается не только комментариями, высказанными попутно (“вóт сёстры сястра́м, штó жалáли, ёта, а ёта, дóч, óт и в ётый, и в ётый дярёвни бýла, каудá я сюда́ пришлá”), но и тем, что в разговоре о колдовстве информантка ссылается именно на этот сюжет, схематично пересказывая его еще раз (версия 3).

По сравнению с пушкинским текстом изменяется мотивировка отправления Гвидона в царство Салтана. Если у Пушкина он отправляется в путешествие, так как скучает по отцу (“Грусть-тоска меня съедает, / Одолела молодца: / Видеть я б хотел отца”), и наказывает теток из-за того, что они отговаривают Салтана от визита на остров (“Не хотят его пустить / Чудный остров навестить”), то в пересказе Андреевой мотивировка визита Гвидона к теткам определяется в зависимости от главной сюжетной линии — это необходимость осуществления мести (“ну и тут яму́ взашло́ на па́мь, далжон́ найт́ить я́ свайх тётак, и далжон́ я́ их на-казáть”).

В пересказе Андреевой у Гвидона появляется новая черта — “смолоду был грозен он”. Несомненно, это связано с созвучием имен *Гвидон* и *Дадон* (“... царь Дадон, смолоду был грозен он” — “Сказка о Золотом петушке”), тем не менее характерно, что эта деталь появляется именно в той версии текста, где она наиболее уместна (где разрабатывается мотив мести).

Отметим также, что отсутствие мотива мести в тексте “Сказки” является новаторством Пушкина: если фольклорные сказки о “чудесных детях” заканчиваются расправой с клеветниками, то в пушкинском варианте сестры прощены; см. об этом: [Медриш 1992]. Хотя в пересказе Андреевой сюжет о “чудесных детях” представлен не полностью (о счастливом воссоединении царя Салтана с его женой не говорится), мотив мести “возвращается” в этот сюжет.

6. Некоторые выводы

Таким образом, изменения пушкинского текста “Сказки о царе Салтане” в пересказе Андреевой, во-первых, связаны с изменением жанра текста (рассказчицей он воспринимается не как сказка, а как “давнишняя быль”), в результате чего, с одной стороны, акцентируются ряд мотивов, актуальных для рассказчицы в бытовых текстах, с другой стороны — из исходного текста устраняется ряд приемов, характерных для художественного текста, имеющего прежде всего эстетическую функцию. Одновременно восприятие рассказчицей текста не как вымысла, а как истории, случившейся в отдаленном прошлом, способствует “приближению” мира “Сказки” к миру, окружающему информантку: чуждые этому миру элементы либо устраняются, либо переосмысливаются как “свои”. Во-вторых, ряд изменений текста связан с “возвращением” его в фольклорную среду, что проявляется в том, что в пересказе Андреевой используются механизмы, характерные скорее для традиционных текстов, чем для литературных. При этом ряд изменений определяется устной формой бытования текста.

7. Пересказ “Сказки о царе Салтане”

Текст приводится в упрощенной транскрипции на базе кириллицы. Ассимиляции согласных по звонкости / глухости и твердости / мягкости не отмечаются, количественная редукция гласных не отмечается. Приводим все три версии: 1-я (“мужская”, или “героическая”, версия) была записана Ф. Р. Минлосом; 2-я (“женская” версия, или “рассказ о мести”) записана А. И. Рыко; 3-я версия (краткая) была приведена как дополнительный пример в разговоре о колдовстве.

1-я версия (“мужская”, “героическая”)

Ой, лиханька маё, от так ня вспомню, давно пели, всё позабыли, забыла, сынок. Тоже и сказки позабыла, ай, рассказывали старинные люди, была гаманили, таперь-та нет ничего, а раньше все гаварили. Вот, я нагдысь и вспомнила, ай, а вот такую сказку гаварили, што вот: “Три дявйцы пад акном, пряли позна вичарком. . .”. Да, а вот тута позабыла, и как сюда папал царь. . . Вспомниш, рассказы всякие, хоть и тюремные, не. . . а тюремные. . . И тюремные, я знаю нескалька, да я и знаю нескалька, и песню анну вроди гаварить, вот, чутиньки помню. . .

[пара тюремных песен]

Ну сынок, много ты сведал? Ай, и ты што-нибудь расскажи, ты ж должна помнить, коя-што много. А-ай, а ету-та, сынок, я ни дагаварила, ты читал такую книгу, ай не? А я вот када хадила па Жаркам-Баркам, мне начальник лагиря дал такую книгу. Вот три дявйцы пад акном пряли позна вичарком, и каким судьбам судя вашол царь. А пряли там три дявйцы, три ронные сестрицы, а возли етыва разговора, царь стаял возли забора. Как эти дявйцы, гаварить старшыя дявйца: “Кабы я была царьца, я на весь кряшшоный мир, адна, наткала бы палатна, так. Царь стайть и слушаить. Гаварить сренняя царьца: “Кабы я была дявйца, я на весь кряшшоный мир пригатовила б я пир”. Видиш? А царь стайть. Молвить третия сестрица: “А кабы я была царьца, я для батюшки царя радила б багатыря”. Реч пасленния чаму, палюбилася яму, царь в етыт дом заходить и такую реч заводить: “Вот ты будиш ткачиха, а ты будиш павариха, а ты будь маей жаною, ка исходу синтября, принеси мне багатыря”, о. А в книгах, сынок, все написана биль, эта была, нас ишло на свети не была, ай бо. . . А я-та ня грамотная, а такую книгу я долга читала, так. Ну вот, ка исходу синтября, етакыя млачшыя сестра принясла багатыря. И зачалася вайна. Дедушка мой, шесь лет служыл, а на писталетах хто был написан? Буденный, Буденный был палкаводцом, вот [в]спомнила, Буденный. У дедушки маво была три мядали. И два етых писталета, так, о чоспади, вот такий вот дяла. Ну от, и вот, атседава пасылають ганца. И сують яму грамоту такую: “Радила царевна в ночь, ни то. . . нет, радила царевна ваша сына, ей дал Божу, в аршин, ростом етыт сын в аршин”. А две малых сестры пирянять ганца вялять, атымуть, грамоту эту, и в пусту яму. . . и в суму яму

и. . . пришлá вайна́, каќ от ярма́ниц на нас́ пришóл, таќ. И э́та, и э́та царевна́ радíла ма́льчика, таќ. Шлю́ть, а он́ где-та, го́спади. . . Шлю́ть яму́ туда́ ганца́: “Радíла царевна́ в но́ч ни то́ сы́на, ни то́ до́ч, ни мышо́нка, ни лягу́шку, нинавídиму звярю́шку”. Во́т се́стры сястра́м што́ жалáли, э́та, а э́та, до́ч, от и в э́тый, и в э́тый дяре́вни бы́ла, кагда́ я сюда́ пришлá, ага́. О го́спади, о го́спади памíлай. Э́та, в суму́ ганцу́ э́таму, у суму́ пусту́ю и сую́ть гра́мату такую́, э-эй, а взáбышную-та гра́мату, хто́ там пасылáл, эга́, “Сы́на дал́ вам́ Бо́г в арши́н”. А ту́т э́тыкава́ царя́, каќ он́ по́нил и приказáл: “Пасади́ть ма́тку с сы́нам у бо́чку залíть и па мо́рю атпра́вить”. Таќ и сде́лали, вот таќ, таќ и сде́лали, ага́. И во́т растёт́ рябе́нык там́, ни па ння́м, а па часáм. А царíца над рябе́нкам, как арли́ца, гаври́ть, над арле́нкам, ага́. Вот таќ, ско́лька аны́ плы́ли, уо́т, я ня зна́ю, я там́ не́ была, до́ч. И царíца. . . вíдить, со́лнушка, и ана́ про́сить го́спадугу́ Бо́гу: “го́спади, ни губí ты на́шу ду́шу, вы́браси ты нас́ на су́шу”. И вы́плыла э́та бо́чичка на су́шу. А парьне́к-та уже́ бальшо́й, на анно́ до́ничка но́жкам вста́л, а в друго́и гало́вкэ́й впе́рся, ано́ и вы́скачила, и аны́ увíдили Бо́жий свéт. . . [γ]о́спэ́ди, и во́т, и вíдють, каќ. . . Мэ́ста та-ко́и, врóди са́д. . . са стагла́выми царьквáми, с тирямáми и с са́дами. И па-шо́л сын́ с ма́ткой, эгу́э, и пашо́л сын́ с ма́ткой, гара́з харо́шая мэ́ста. . . И на-звáли э́тыкыва́ сы́на ца́рь Гвидо́н, с мо́ладу бы́л грóзин он́, от таќ, во́т таќ. Ну́ и ту́т, яму́ вша́ло на па́мьть, далжо́н найтíть я свай́х тэ́так, и далжо́н я íх наказа́ть. Во́т он́ и захо́дить. . . таќ. . . и вíдить, ста́ршая тэ́тка. А он́ абара-ти́лся шмяле́м, шмелé пту. . . зна́иш, така́я буква́шка, от он́ упíлся э́тай ста́р-ший тэ́тки в пра́вый гла́з. Ана́ аммярла́ и акривéла — наказа́л э́ту тэ́тку, эга́, а забы́ла. . . а да́льше забы́ла, с сере́нний што́ сде́лал, а ня зна́ю, о го́спэ́ди памíлуй.

[вставной рассказ о попытке учиться в школе]

Пато́м от́, ня зна́ю што́ бы́ла, а пато́м от́ он́, а-а-ай, э-э-э, каќ ту́та падкати́л к яму́ кара́быль, к э́тому ма́льчику, и во́т он́ царём ста́л, ага́, э́такый ма́льчик. Назвáли яво́ ца́рь Гвидо́н, та-а-ак, он́ бальшим хазя́инам пато́м бы́л, пато́м бы́л. А от́ ня по́мню, сде́лал тэ́тки втаро́й што́, ай не́. . . Што́-та сде́лыл, и ста́рай ба́бы Бабарíхи. . . Э́та он́ сваё́й ма́тки. . . што́ та. Аны́ и яво́ абíдили, а-а-ай, и кагда́ он́ тэ́тку-та укуси́л, и лята́ить па ако́шку, а крича́ли: “Бе́й, дави́, пра́клятыя ты мо́шка”, ра́з, а он́ в ако́шка, и уляте́л. . . э-э-эй. . . А он́ в ако́шка и уляте́л, дю до́ч, от таќ, о го́спади памíлай. . .

3-я версия (упоминание в разговоре о колдовстве)

Каќ во́т э́тых три́ дявíцы, во́т аны́, во́т аны́ што́ сде́лали ма́лай сястри́цы. А аны́, бьётся ва станка́ ткачи́ха, бьётся павари́ха, а ма́лыя сястра́ хо́дить гаспажо́й. Аны́ и пазавíдывали, во́т аны́ и пасылáли ганца́ к му́жу, к царю́, о. Во́т и писáли такую́ хуйню́, што́ радíла царевна́ в но́ч ни то́ сы́на, ни то́ до́ч, вíдиш? А ана́ радíла ма́льчика о́чинь харо́шива, от́. Па-ка́ он́, си́лы забра́л, э-ей, и он́ íх нашóл, а яму́ падсказа́ла, яво́нная ма́ть, во́т. Всé ё́й звáли ба́ба Бабарíха, э-ой, тьфу́, го́спади памíлай, о-ой.

Библиография

АБРАМЕНКО 2001

АБРАМЕНКО О. А., “История глазами простого человека: деревенская эсхатология”, in: *Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах: история, теория, педагогическая практика. Материалы научной конференции 4–7 сентября 2000 года*, Петрозаводск, 2001, 11–17.

АЗАДОВСКИЙ 1936

АЗАДОВСКИЙ М. К., “Источник сказок Пушкина”, in: *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, 1, Москва, Ленинград, 1936, 134–163.

МЕДРИШ 1992

МЕДРИШ Д. Н., *Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура*, Волгоград, 1992.

МИНЛОС, РЫКО 2005

МИНЛОС Ф. Р., РЫКО А. И., *Русский диалектный текст*, in: Л. Э. Калнынь, Г. П. Клепикова, отв. ред., *Исследования по славянской диалектологии*, 6: Славянская диалектология и история языка, Москва, 2005, 327–332.

НИКИТИНА 1993

НИКИТИНА С. Е., *Устная народная культура и языковое сознание*, Москва, 1993.

РЫЖИХ 2010

РЫЖИХ М. В., “Сопоставительный анализ фольклорной и литературной сказки”, *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 596, 2010, 107–114.

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ 1995

Толстой Н. И., ред., *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 1: А–Г, Москва, 1995.

УСПЕНСКИЙ 1995

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Поэтика композиции”, in: *ibid.*, *Семиотика искусства*, Москва, 1995.

References

Abramenko O. A., “Istoriia glazami prostogo cheloveka: derevenskaia eskhatologiiia,” in: *Obrazy Rossii v nauchnom, khudozhestvennom i politicheskom diskursakh: istoriia, teoriia, pedagogicheskaia praktika*, Petrozavodsk, 2001, 11–17.

Azadovskiy M. K., “Istochnik skazok Pushkina,” in: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii*, 1, Moscow, Leningrad, 1936, 134–163.

Kalnyn' L. E., Klepikova G. P., eds., *Isslegovaniia po slavianskoi dialektologii*, 6: *Slavianskaia dialektologiia i istoriia iazyka*, Moscow, 2005.

Medrish D. N., *Puteshestvie v Lukomor'e. Skazki Pushkina i narodnaia kul'tura*, Volgograd, 1992.

Minlos Ph. R., Ryko A. I., “Russkii dialektnyi tekst,” in: L. E. Kalnyn', G. P. Klepikova, eds., *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 6: *Slavianskaia dialektologiia i istoriia iazyka*, Moscow, 2005, 327–332.

Nikitina S. E., *Ustnaia narodnaia kul'tura i iazykovoie soznanie*, Moscow, 1993.

Ryzhykh M. V., “Comparative Analysis of Folklore and Literary Fairy-tales,” *Vestnik MGLU. Gumanitarniye Nauki / MSLU Bulletin: The Humanities*, 596, 2010, 107–114.

Tolstoj N. I., ed., *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'*, 1, Moscow, 1995.

Uspenskij B. A., *Semiotika iskusstva*, Moscow, 1995.

Анастасия Игоревна Рыко, канд. филол. наук

С.-Петербургский государственный университет, филологический факультет, старший преподаватель кафедры русского языка

199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11

Россия/Russia

aryko@mail.ru

Received February 27, 2016